

ГЛАВА 1

«Дорогая Таня! Я очень рада, что мы наконец-то увидимся! Как говорится, Бог троицу любит. В третий раз уже точно должно получиться! Правда же??? Я купила три совершенно отпадных купальника и к ним еще всякого-разного. Все в стиле Карибов, чтобы вписаться в пейзаж! Если ты не успеешь подготвиться, поделюсь, так и быть, одним или даже двумя! Только приезжай!».

Я сидела за ноутбуком и с грустью перечитывала письмо от Вероники Светловой из Москвы — моей хорошей знакомой, с которой мы пересекались несколько лет назад в одном из расследований. И все эти годы Вероника с упорством, достойным лучшего применения, уговаривала меня съездить с ней в Пуэрто-Рико.

Будучи заядлой путешественницей, Вероника объездила уже не один десяток стран, но Пуэрто-Рико берегла для нашей с ней совместной поездки, на которую я неосторожно согласилась когда-то.

Не то чтобы меня не устраивала ее компания, Вероника — чудесная молодая женщина, симпатичная, активная и перманентно позитивно настроенная. И понежиться в синих водах Карибского бассейна я тоже совсем не против. Особенно когда в Тарасове в разгаре поздняя осень со всеми ее «преlestями». Но...

Это «но» возникает словно ниоткуда и безжалостно сметает все задумки, словно цунами на тех же Карибах.

В третий раз отказывать Веронике было уже попросту неудобно.

«Но, похоже, придется», — со вздохом констатировала я и начала писать покаянный ответ.

Может быть, кому-то я покажусь излишне меркантильной, но когда речь идет о 10 000 баксов плюс оплата накладных расходов, поневоле приходится выбирать между отдыхом и солидным гонораром. Тем более что отдых можно отложить, а вот гонорар ждать не будет и уплывет безвозвратно, как уплывают за горизонт белые барашки в Карибском море.

К тому же дело, с которым ко мне обратилась последняя клиентка, представлялось не особенно сложным, и шанс на поездку в тот момент выглядел вполне реальным. И, что греха таить, с деньгами — оно ж веселее везде, тем более на Карибах.

* * *

А клиентка в тот день пожаловала ко мне занимательная. Из категории тех, кто не забывается и кого упоминаешь в мемуарах.

Семнадцатилетняя Настя Павлова явилась без предварительного звонка.

Утром я как раз занялась подбором гардероба к предстоящей поездке, правда, делала это с ленцой, будто чувствовала, что не стоит зря тратить усилия.

В дверь позвонили и сразу постучали, что меня очень удивило и немного встревожило. В наши дни без предупреждения и минуя домофон люди могут попасть в квартиру только в каких-нибудь экстренных ситуациях.

Посмотрев в глазок, я увидела на лестничной площадке миниатюрную девушку в темной бесформенной куртке и высоких сапогах. Лица, скрытого за капюшоном, я рассмотреть не смогла.

«Может быть, соседка?» — промелькнуло у меня в голове.

Я открыла дверь и молча встала на пороге.

— Вы — Татьяна Иванова? — раздался из капюшона хриловатый, словно простуженный голос.

— Она самая, — ответила я и замолчала в ожидании продолжения.

Девушка скинула капюшон и представила миру в моем лице миловидное личико, обрамленное рыжими локонами. Отсутствие косметики и следов парикмахерских ухищрений наводило на мысль, что девушка целиком полагается на мать-природу.

И не зря, подумалось мне, в ней было свое особенное очарование. Зеленые глаза цепко оглядели меня, пухлые розовые губки растянулись в легком подобии улыбки, и девушка проговорила чуть более звонким голосом:

— Добрый день. Я Настя Павлова, то есть Анастасия, — поправилась она и сделала движение, словно собираясь войти в квартиру.

Но, увидев, что я не двигаюсь с места, она замерла и даже как будто немного растерялась.

— Я узнала ваш адрес от Дениса Бронникова, помните такого?

Услужливая память как по команде выдала образ юного айтишника Дена, с которым мы, можно сказать, подружились на одном из моих дел. Парнишка мне тогда здорово помог и оставил о себе самые лучшие воспоминания.

— Проходите, — посторонилась я, впуская девушку. — А что же он не дал вам моего телефона?

— Он хотел, но я отказалась, решила, что будет лучше, если я к вам приду.

— Это почему же? — Я протянула Насте тапочки и приняла от нее куртку.

— Я боялась, что по телефону вы мне откажете. Скажете, что я слишком молодая или что-то в таком духе.

Я улыбнулась против воли и провела гостью в комнату.

— Но я хоть и молодая, но платежеспособная, — с жаром добавила Настя, не спеша садиться в кресло.

Взгляд ее круглых зеленых глаз, опущенных темно-рыжими густыми ресницами, просто обезоруживал.

Продолжая улыбаться, я усадила девочку и устроилась напротив.

— Это не может не радовать. Вам сколько лет? Семнадцать?

— Да, семнадцать, но я уже учусь в институте!

— Рассказывайте, Настя, что вас ко мне привело.

Девушка, явно повеселев от моего вполне радушного приема, перестала хмуриться и, поерзав в кресле, занимая удобное положение, начала говорить:

— Неделью назад мы похоронили моего папу.

— Примите соболезнования, — вставила я.

— Спасибо, — голос Насти снова перешел на хрип.

Было видно, что она, как ни пытается это скрыть, сильно переживает.

— Так вот. Мой папа — Андрей Павлов, владелец сети автосалонов «Авторай». Это...

— Это самая крупная сеть в нашем городе, — договорила я за Настю.

Убийство одного из крупнейших предпринимателей Тарасова, Андрея Анатольевича Павлова, разумеется, не прошло для меня незамеченным. Слишком крупная фигура, да и к тому же, судя по скучным новостным сообщениям, происшествие было окутано массой непонятных нюансов.

Мне вспомнилось, что оно каким-то боком связывалось с предстоящими выборами депутатов городского Законодательного собрания.

Мой интерес к рассказу Насти резко возрастал.

— Да, папу постоянно называли «автокоролем», а меня дразнили с первого класса «автопринцессой» и другими дурацкими прозвищами в таком роде.

Мне стало понятно, что девушка не только не гордится своим «мажорством», а наоборот, оно ее обременяет. Теперь ясно, почему она так неказисто одета — ей меньше всего хочется привлечь к себе внимание, в котором у нее и так недостатка нет.

— Насколько мне известно из новостных порталов, — сказала я, — убийцу, предположительно, нашли.

— Вот то-то и оно, что предположительно! — с жаром воскликнула Настя, подскочив в кресле. — Обвинили Виталика! Но он не мог этого сделать! Никак не мог! Его подставили, потому что он самый... — Настя прикусила губу, подыскивая нужное слово. — Самый безответный, беззащитный!..

На глазах девочки навернулись слезы.

Тут уж не надо было иметь психологического образования, чтобы понять, что этот Виталик очень важен для Насти, скорее всего, здесь замешаны пылкие девичьи чувства.

Я молча встала, прошла к холодильнику, вынула бутылочку с водой и протянула Насте.

По своему опыту мне отлично известно, что это самое первое средство, чтобы помочь клиенту справиться с эмоциями. Чего только не наслушались стены моей квартиры...

Сделав пару глотков, Настя слегка успокоилась и по моей просьбе стала рассказывать обо всем по порядку.

Девушка она была толковая, и даже взвинченное состояние не мешало ей связно выражать свои мысли — ценное качество.

— Официальная версия такая — мне ее вчера следователь озвучил: папа во внеурочное время приехал в загородный коттедж,

где в это время его жена проводила время с любовником. Застав их за изменой, он устроил скандал, как всегда бывает в таких случаях. Схватил ружье, завязалась борьба, и Виталий вырвал ружье и выстрелил в папу. Вот так решили следователи, но это все полная... фигня!

Настя стиснула ручки кресла и сделала несколько глубоких вдохов.

Умничка, стрессоустойчивости ей не занимать, отметила я с одобрением.

— У тебя... можно на «ты»? — Настя поспешно кивнула. — У тебя есть своя версия происшедшего? — спросила я.

Она снова закусила губу и отрицательно покачала головой.

— Точно я сказать не могу. Но если уж выбирать между Виталием и... матерью, то это, конечно, она убийца!

— Чьей матерью? — уточнила я, отметив, что при упоминании матери лицо девушки исказилось ненавистью.

— Моей, — сквозь зубы процедила она, отводя от меня глаза.

— Настя, я правильно понимаю, что Виталий — любовник твоей матери?

Она кивнула, зажмурившись, чтобы остановить слезы.

— У вас с ним хорошие отношения? Я подозреваю даже, что лучше, чем у вас с твоей матерью, так?

— Да! — Настя уже не пыталась сдерживать слезы. — Виталий — очень хороший парень. Он меня любит, а от нее просто не может отделаться. Он никогда бы не пошел на убийство. Даже если бы папа начал его избивать, он не стал бы ружье хватать. Виталий — мастер спорта по рукопашному бою, он одним мизинцем левой руки мог бы папу успокоить и не причинить ему вреда. Тем более папа не больно-то спортзал посещал. Мой папа не такой человек, чтобы вот так бросаться на ружье, он столько всего прошел в девяностые...

— То есть ты думаешь, что это твоя мать могла схватить ружье и застрелить отца?

— Эта могла! — процедила Настя.

По роду своей деятельности мне доводилось видеть разное. И непримиримая ненависть между самыми близкими родственниками, увы, встречалась мне нередко. Но сейчас, глядя на милое лицо совсем молоденькой девочки, которое при упоминании матери искажалось яростной злобой, я испытывала легкий ужас.

— Настя, расскажи мне о маме. Как я вижу, между вами нет взаимопонимания?

— Это мягко сказано! — усмехнулась Настя. — Я бы мечтала, чтобы она не была мне родной, но мы с ней так похожи, что и генетическая экспертиза не нужна. Внешне по-

хожи, — добавила она, — характеры у нас совсем разные.

— Расскажи мне о ней, — попросила я, прекрасно понимая, что история будет долгой. Но в душе я уже приняла решение взяться за это дело, поэтому никуда не спешила, пытаюсь выведать максимально полную информацию.

— Да что там рассказывать! — Настя передернула плечами. — Я уже лет в девять поняла, что моя мать — плохая женщина, и вовсе не обязаны мать и дочь друг друга любить.

— Она плохо относилась к тебе?

— Да она никак ко мне не относилась. Знаете, как читаешь в книжках про дворянские семьи, когда няньки на полчаса в день ребенка приводили к родителям. У нас было точно так же, только меня приводили не раз в день, а раз в неделю. Я с детства с нянями да гувернантками... Мамаша даже с днем рождения меня не удосуживалась поздравить. Представьте, полный дом гостей, шарик, артисты, а мама в это время в очередном СПА зависает. Просто игнорила меня, как будто я — пустое место. Я думала, так и положено. Но потом, когда пошла в школу и завела подруг, увидела, что у них в семьях совсем все по-другому. Мамашки постоянно в школе торчат, одноклассники жаловались, что житья нет от материнской

опеки. А я не понимала, как это? Моя мать была каким-то абстрактным, почти мифическим существом. Вроде есть, а на самом деле можно сказать, что и нету. В общем, лет в восемь я попыталась решить этот вопрос. Подошла к ней сама и спросила: «Мама, почему ты меня не любишь?» Вы знаете, она так удивилась, будто не родная дочь с ней заговорила, а стол или стул. Спросила, кто разрешил ее беспокоить. Ну, я развернулась и ушла. Так мы с ней и разговаривали почти с тех пор. Папа переживал из-за этого, пытался что-то наладить, но у него времени на семью всегда не хватало, поэтому от его попыток толку не было.

— Это, конечно, странно, — сказала я, — но всякое бывает. Бывает, матери лупят детей и как только не измываются. А твоя, может быть, просто холодная женщина?

Настя ответила не сразу, обдумывая мои слова.

— Да нет, холодной женщиной ее никак не назовешь! Видели бы вы, как она с Виталиком ворковала и с другими мужиками... за папиной спиной. Вообще, она ненавидела только меня и папу. К остальным вполне ровно относилась.

— Папу? — переспросила я, немало удивившись.

— Да, папу. Думаю, его она ненавидела не меньше, чем меня, а может, и больше.